

Евгения ЛИБЕРМАН

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПОДНЯТЫЕ С ПОЛА

Андрей Сен-Сеньков. Стихотворения, прочитанные руками. – М.: РОЕТИСА, 2025. – 44 с.

Что чувствует свинья, мечтавшая посмотреть на небо и столкнувшаяся с его подстрочником на лезвии ножа? А крыса, попавшая под пристальный взгляд мальчика и засветившаяся, «как серебряные волосы женщин с портрета Рембрандта»? Как смотрят пирожки с подноса, чем живёт в игольном ушке верблюд? На вопросы о малых и незаметных сих отвечает в книге, вышедшей в 2025 году, Андрей Сен-Сеньков.

Герои Сен-Сенькова – незамечаемые, тихие неудачники, чувствующие свою ненужность, неуместность, неактуальность: «гиппокамп крошечный спутник нептона / самый некрасивый спутник солнечной системы / лошадка с рыбьим хвостом / не умеющая ни бегать ни плавать», «концентрированная серость». Каждый по-своему поэт: у каждого свой характер, стиль письма, шаг. Если бы небоскреб сочинял стихи, он бы боролся с тучами апатии слабо, вяло, примеряя позицию жертвы, забыв о прежнем имени-призвании – тучерез: вот где громогласность поэтики, вот где смелость и нажим. Бог – перформансист: на его кружке написано имя [вставить своё], в неё он никогда ничего не наливает, хранит до Страшного суда как сувенир. Крыса – декадентка, она не живет в реальности, скорее, длится в чужих воспоминаниях, смотря на неидеальность мира «с нескрываемым презрением». Вино осторожно шупает незнакомое пространство, оглядываясь и пытаясь предугадать, не опасно ли сделать следующий вдох.

Тема смерти, утраты в произведениях Андрея Сен-Сенькова развёртывается тихо, без лишнего трагического пафоса. Никто не запретит простой русской женщине иметь имя Беатриче, потому что она уже ушла, осталась «подснежником». Гибель может таить всё что угодно («однажды меня чуть не убила музыка»), а исчезновение человека равноценно оборвавшейся мелодии. Раиса Кудашева приобретает характеристики героини собственной песни и становится для героя «бабой Раей», а кладбище – музыкой. «Смотри не замерзай», – говорит ей лирический субъект, и надежда на наступление весны и долгожданную встречу витает в воздухе. Смерть сопровождается признаками, отзвуками жизни, всполохами неутешительной яркости, как вспышки фотоаппаратов, и так постулируется невозможность её победы над человеческим духом и искусством.

Названия стихотворений редко состоят из одного слова, зачастую это 3-6 – целая развернутая мысль: «на смерть любого человека, пусть он и снимал всю жизнь только на мобильный телефон», «проездной слегка помялся в кармане», «летом всегда тесно», «год крысы становится годами крысы». Это обусловлено лаконичностью текстов, схожей ритмической и графической организацией, побуждающей к выходу за пределы стихотворения и оформлению его заглавия таким образом, чтобы читатель достраивал авторское высказывание. Часто это фотографические или кинодокументации, в которых едва уловима переключка с названиями текстов Шамшада Абдуллаева (ср. «Беседа двух старых друзей на окраине города», «Три старых анашиста вспоминают двух самоубийц»). С некоторыми текстами нам предлагается выполнить определенное действие, чтобы раскрыть их полноту и дать им реальный вес: «Стихотворение, на которое капнули вином», «Стихотворение, поднятое с пола». Наконец, название книги побуждает задействовать другие рецепторы, другие органы чувств, «читать руками», что, впрочем, удается благодаря тому, что сборник напечатан ещё и в брайлевском формате, а предисловие и послесловие к нему писали слепоглухие люди. Этот факт особенно ценен в контексте восприятия актуальной поэзии теми, кто с ней никак не связан и никогда, возможно, не читал произведения современной литературы. Если и этот рубеж был преодолен, то любые

барьеры разрушимы; стало быть, Андрей Сен-Сеньков говорит с нами на понятном, человеческом языке – языке светлой большой любви и флёра лёгкой грусти.